

18+

Роман Солдатов

ТЕМНОХОЖИЙ

Книга рассказов

Роман Солдатов

Темнохожий

«Издательские решения»

Солдатов Р.

Темнохожий / Р. Солдатов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-646087-4

— Джин, — воскликнул я, — Останови это. Но никто не отзывался. В подвале его не было. Огонь полз живой тягой и уже заходил за спину. Коротенькая лестница и люк полыхали, отрезав мне путь. Горячее дыхание смерти, начинало шептать на ухо, что конец близок и я ощутил, как все внутри переворачивается.

ISBN 978-5-00-646087-4

© Солдатов Р.
© Издательские решения

Содержание

Кальянщик	6
Беспокойная ночь	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Темнохожий

Роман Солдатов

© Роман Солдатов, 2025

ISBN 978-5-0064-6087-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кальянщик

Сосны любят песчаную почву. И как они в мягком грунте не падают, а все тянутся до небес? Когда смотришь на стволы снизу вверх, ощущаешь собственную низкорослость среди толстых пик поднебесья. Чем старше дерево, тем меньше на нём веток. Мне нравится в сосновом бору: лес свободный и просторный, позволяет своим гостям беспрепятственно прогуливаться. Говорят, если душа немирная, то ели могут унять беспокойство, как только прикоснёшься к деревянному телу. Дух входит в сердцевину и задерживается внутри. Если дух уходит по длинным сообщениям корней глубоко в землю, может произойти разное. Например, вырастает колючий куст или сорняк, в зависимости от величины душевного недуга. Спустя время, когда иссохнут злокачественные отростки, земля их перемелет в перегной, удобряя почву для новых всходов. Так природа приводит в гармонию волнующийся океан жизни.

Бывает, дух стремится вверх, растворяясь в воздухе. Говорят, что везёт тем, кто попадёт под дождь, очищаясь в тот же миг. Но бывает так, что даже столь великие деревья не способны пропустить через себя вал душевной бури. А не справившись, чахнут без видимых причин, погибая изнутри. Кстати, именно поэтому в сосновых лесах часто водятся привидения. В это можно поверить, потому что здесь мы все как призрак западного военного округа. Солдаты, немного сержантов и чуть-чуть офицеров.

Что мы здесь делаем? Разворачиваем запасной командный пункт на протяжении почти полугода. Лагерь, скрытый в тени соснового бора.

Землянки, выкопанные на тяп-ляп черномазыми рядовыми, палатки из тяжёлого материала, сливающиеся с лесом под маскировочными сетями. Много военной техники, полевые кухни, дизельные электростанции, шум которых выдаёт военных. Связевые машины с антеннами, высотой с берёзу, передавали в прямой эфир позывные. Другие – шифровали сигналы, путая весь учебный полигон в провода. ЗИЛы с аппаратными кунгами стояли в капонирах, укрываясь от нежелательных глаз. В одной из машин сидел я, радиотелеграфист станции Р-140, дослуживающий последний месяц. Под тусклым светом тридцативаттной лампочки, слушая помехи в абсолютной бездеятельности и постоянном ожидании, я прекрасно себя чувствовал, хорошо защищённым от зудящих офицеров.

Прямой эфир сопровождался плачущими звуками, пересечениями позывных, иногда можно услышать азбуку Морзе, а ночью, именно ночью, словно открывался космический канал и мелодии Вселенной выливались в рубку. Не всегда приятные слуху, часто напоминающие рёв демонов или падение кометы. Иногда вклинивалась немецкая речь.

Каждый месяц летом мы выезжали в лес для тренировки связи, бывало чаще. Хорошее было время, словно отпуск за городом. Начальства почти нет, контроля тоже. Я читал книги, писал стихи и наслаждался покоем, размышляя о прекрасном. Но всё резко изменилось, когда подразделение в полном составе поселилось в лагере, вытаптывая траву как рогатый скот. От сержанта до командира бригады – все были тут.

Как раз во время учений я начал копать землянку для экипажа связевой машины. Дежурства не было, поэтому я проводил время в яме с лопатой в руках. По наступлении темноты мы собирались с товарищами, пользуясь свободой. Пятна жёлтого света на чёрном полотне леса выдавали военные тропы. Бездумная жизнь в ограничении рождала веселящие идеи. Так было и в этот раз. С помощью железной трубки, трубки от шариковой ручки, пластиковой бутылки и консервной баночки от свиного паштета на свет появилось нечто гениальное с точки зрения солдатской изобретательности. Удобен в переноске и прост в сборке, ингалятор для больных от скуки, походный инструмент моего вещмешка, желанный гость в любой компании, хоть и должен оставаться тайным в наших обстоятельствах. Первыми испытателями были мои товарищи: один – с немецкой фамилией, другой – романтический фантаст в очках. Мы спустились

с пригорка к железной дороге в низину, это было идеальное место для нашего первого испытания. Страх забрался под китель и ворошил там холодные росинки. Оглядываясь по сторонам, а точнее сказать, я не отводил глаз от возможных подступов.

Вторая половина сентября уже дышала прохладой, но жар, с которым мы сюда пришли, был сильнее холода. Тем временем я подготовил прибор, втянул через пластиковую трубку, вода в бутылке забурлила, а моя тяга пошла вверх по железному стволу к чаше с ягодным табаком. Я сразу почувствовал землянично-мятный привкус на губах.

Уголь быстро воспламенился, отбрасывая искры, превращаясь в красную таблетку. Мы немного подождали, пока чаша нагреется, в волнительном предвкушении – в армии подобные вещи запрещены. Мы стояли в пяти метрах от железной дороги. Первый дым выпустил я, как и полагается изобретателю, наполнив лёгкие до отказа. Мне показалось, я выдохнул Джина, ведь его лампа исполнила моё желание. Товарищи большими тягами добывали дым, выпуская его на свободу, будучи несвободными от солдатской службы. Поезд пронёсся, сотрясая землю, грохоча железом. Освещённые окна сливались в широкую линию. Мы знали, что он пассажирский и везет людей домой, с горячим чаем и одеялами. А с уличной стороны стекла – мы, не мытые неделю, прячемся за кустами, мёрзнем и считаем дни до возвращения домой. Хвост состава удалился в темноте, оставляя свет воспоминаний.

– Это лучший кальян, – сказал Кайзер.

Вода кипела от вдохов, бурля и раздавая облака углекислого газа.

– Как ты его смастерил? Он действительно хорош, – сказал Максим, высвобождая плотный белёсый дым.

Лёгкое опьянение вскружило головы, а грудь наполнилась благодатью. Мятная смесь ароматного табака дарила чудный вкус. Мне казалось, я стал лёгким как воздух, готовый оторваться от земли. Я был счастлив как никогда, потому что запомнил тот момент и часто вспоминаю. Минут сорок мы добывали дым, радуясь каждому глотку иллюзорной свободы.

– Мужики, надо поторопиться, Леонькин будет искать, скоро отбой, – сказал я, вспомнив о брюзглом сержанте, командиру взвода.

– Сейчас все в полевом кинотеатре, документальный фильм смотрят, – сказал Кайзер.

– Кстати, классно сделали, настоящий Дом культуры, – сказал я. – А какой фильм показывают?

– Про Кайзера, – заржал Макс. – Ладно, шучу, фильм называется «Медвежья берлога», про немецкий бункер.

– Кайзер, ты что, архитектор? – подхватил я.

Он что-то, картавя, буркнул, наверное жалея о своей фамилии. Мы добавили остатки курительной смеси. Я думал, как здорово проводить время в покое и расслаблении, мечтать о чём-нибудь, смотреть на звёзды. Так мало нужно?!

Мы разошлись, оставив в памяти несколько приятных картин. Дым покинул наши лёгкие, а вместе с ним якорь накопленных стрессов. Я шёл мимо сосен, угадывая силуэты в ночи, отчего становилось ещё спокойнее. Но не покидала мысль о немцах, бункере, хотелось понять, что правило теми людьми, которые устроили пытку половине мира. Неужели природного покоя недостаточно или лучше убивать? Если сложить силы, затраченные на войну, и средства, израсходованные на литьё снарядов, уж поверьте, можно создать рай на земле. Но мы видим обратную сторону: намерения тиранов, словно мясорубка, дробили жизни всего света, будто планета повернулась к стороне зла.

Тяжёлые мысли плохо умещались в пустой голове. Всем спокойной ночи, завтра будет день опять, да и мать его так. Я кинул голову на противогаз и уснул как младенец в колыбели.

Следующий день я провёл, планируя землянку, материала было мало, поэтому приходилось исследовать каждый уголок леса, но того, что мы находили, было недостаточно. Стройка могла идти быстрее, но дерева не хватало.

В тот же день я искал пилу, единственную на весь лагерь, и поиски привели меня за километр в другую часть посадки. Узнав, где инструмент, я двинулся в указанном направлении. Солнечный день давал энергию, а берёзовая рощица, отделённая от соснового бора железной дорогой, поймала беспилотник стоимостью в пару миллионов. Когда мы пришли на место «трагедии», выяснилось, что самолётик висит со вчерашнего дня на вершине берёзы и достать его никто не может. Три капитана, наш ротный и сержант Леонькин в том числе запрокидывали головы, наверное, хотели снять беспилотник силой взгляда. Двое контрактников, обвязанные ремнями и пытаясь от натуги, тратили тщедушные силы, пытаясь его достать. Самолёт висел на красном парашюте и походил на семейные трусы. Последнюю попытку истратил начмед (начальник медицинской службы), забравшись метра на три. Тут, несомненно, сыграл роль вес капитана, потому что именно он создавал непреодолимое сопротивление. Уступив берёзе, он спрыгнул, переводя дыхание. Чуть позже он поделился мыслью, которая его посетила на дереве.

– Нужно вбивать большие гвозди лесенкой и взять высоту. «Не ловкостью, значит, тактически», – закончил он мысленно и удалился добывать гвозди.

Я долго прикидывал варианты, и мне показалось, что забраться можно без подручных средств. Слова напутствия круглолицего сержанта Леонькина были такими:

– Если свалишься, убью.

– Не для того лезу, – сказал я и начал попытку.

Описывать путь в подробностях не буду, но скажу, что было непросто, а стоимость самолётка завышена. Кое-как спускаясь одной рукой, потому что в другой болтался беспилотник на стропах. Он весил килограмма три или пять. И похоже, был на порядок ценнее меня. Я быстро устал, но чувствовал себя героем, мечтая, что меня отпустят домой дней на пять раньше. Похоже, рад был не только я. На горизонте появились стратеги с гвоздями. Но Бог миловал, все целы: и гвозди, и офицеры.

– У тебя тотем на сегодня, – сказал командир роты, и это было высшей наградой.

Учения закончились, офицеры разъехались, осталось только наше подразделение. Командир устроил праздник солдатам за проделанную работу: купил сладостей, сосисок, газированной воды – и в знак завершения мы отмечали около жаркого кострища в сосновом бору. Это был чудесный вечер, искры, парящие к небу, потоком золотили темноту, мы ели сосиски, пытаясь их приготовить на палках. Как было хорошо на душе! Мы сидели вокруг костра, и каждый по очереди рассказывал о себе.

Капитан поехал домой, а мы остались охранять лагерь. В ту ночь не повезло, меня назначили истопником в землянку. Я мог спокойно передвигаться по командному пункту, оставаясь призраком в ночи. Ещё один повод раскурить чашку ароматного табака со связевыми друзьями. В этот раз мы далеко не уходили, а сели на толстом бревне неподалёку. Дым заструился, попадая в лёгкие, заражая кровь и мозг. Кальян – продолжение дыхательного аппарата – напускал умиротворение. Мы летали на никотиновых парах среди леса и темноты.

Я вернулся в лагерь, подбросил дров в буржуйку и пошёл к товарищам в землянку радиохимической защиты. У них была площадь три на три метра, но с очень хорошим освещением. Топка гудела от пламени, отдавая живое тепло. Два сколоченных топчана в противоположных углах были застелены спальными мешками.

– А где Илюха? – спросил я у ребят.

Они заржали, словно не в себе.

– У нас есть предложение, – сказал Тарас. – Бухать будешь?

Я замялся, к концу службы не хотелось проблем, тем более один уже собирался на гауптвахту за алкогольные проступки.

– Мы проституток хотим заказать, – объявил Гаджи с озорством в глазах.

– Ага, Илюха подмываться пошёл, – и они снова загоготали, а я заразился вместе с ними.

– Шутите?

– Конечно нет, у меня номерок есть, мага оставил, говорит, отличный вариант, и всего два рубля.

Тут подошёл Илья, большой малый в очках, потирая руки.

– Так, – сказал он, – у меня есть записка, хотел маме подарок сделать – если что, денег хватит.

Мы загорелись как порох, кровь в сосудах била фонтаном. Нам этого хотелось больше всего, здесь, сейчас – и будь что будет.

– Сегодня дежурный в лагере сержант Ершов, он уже синий, поэтому бояться нечего.

– С бухлом всё понятно, а как девок сюда тащить?

– На такси, мы встретим, а в темноте никто не увидит.

– Надо звонить.

Гаджи жадно набирал цифры, сильно прижимая телефон к уху.

– Абонент не в сети, – обломал дагестанец.

Волна неудачи погасила возбуждение, но мы сдаваться не собирались. Быстро нашли сайт интимных услуг с описаниями, фото и ценами. Неприкрытые девочки подливали огня в похабные, обезумевшие, бесстыжие сердца.

На громкой связи Гаджи грубым голосом стал уговаривать путану развлечь четырёх парней:

– Мы солдаты, каждому по пятнадцать минут хватит, чисто пар спустить. У нас тут условия военные, землянка, обделанная деревом, в целом нормально, – увлекал он кавказским акцентом.

Она была согласна, только за каждого хотела по две тысячи, и значения не имеет, что мы успеем за час.

– Может, скинешь цену? У бедных солдат нет таких денег.

Девушка не уступала. А мы погрузились в тяжелейший мозговой штурм. Не хотелось упускать такой шанс, единственный, время которого, возможно, уходило. Сосчитав сбережения друг друга, на кону примерно получалось семь тысяч с копейками. Алкоголь мы откинули сразу. Да и пить уже не хотелось.

– Нужно за такси заплатить, и договоримся подешевле.

Гаджи продолжил переговоры и смог уговорить на лесное путешествие за шесть тысяч рублей.

Я был настолько пьян от предвкушения, что вызвался встретить проститутку, записав её номер. Гаджи сказал ей, чтобы они подъехали к разрушенному зданию в Красном Бору, чтоб не привлекать внимания дежурных на КПП, которые, скорее всего, видели десятый сон.

Бетонный квадрат с одним входом одиноко стоял в гуще леса, весь расписанный граффити и матерной бранью. Это и было разрушенное здание, единственное строение в лесу. К сооружению вели дороги, думаю, это место было пристанищем многих наркоманов. А если там поджечь ладан, кто знает, что выскочит из бункера. Илюха пошёл со мной, одурманенный и возбуждённый. Темнота нас не выдавала. Ступая по дороге, мы шли к месту встречи. Мысль о том, что у нас скоро будет секс, прогнала здравый смысл из распутных голов, подкашивая ноги. По дороге мы энергично смеялись, ощущая возбуждающее волнение. Серая линия дороги вела к наслаждению.

– Надеюсь, придет рыженькая, – сказал Илья.

Лагерь остался позади, его источники света гасили ряды деревьев. Бункер был перед нами, но мы его не видели, хотя знали, что он там есть. Природа выключила звук, лишь шаги да выдохи было слышно.

– Местечко жутковатое, – сказал я.

– Просто бетон, что он может сделать человеку? Разве что обвалиться, но мы на поляне, и единственное, что может произойти, так это вступить в солдатское дерьмо.

Свет фар продирался сквозь чашу листьев и стволов, приближаясь к месту встречи. Машина покачивалась, въезжая в очередную ямку. Мысли вновь ускакали, оставив тупое ожидание удовольствия. Нас накрывало бесконтрольной властью гормонов. Такси остановилось метрах в тридцати, и вышла девушка на той стороне света. Аромат парфюма хлестнул по рецепторам, этот запах окончательно отнял рассудок. То было истинное покушение на волю ослабших солдат с горячими, но слепыми сердцами.

«Нет, она не проститутка, а богиня», – подумал я, ещё не увидев лица.

Машина стала отъезжать, озаряя фарами силуэт девушки, благоухающей в ночи, как красный цветок на праздник Ивана Купалы. Кончики волос просвечивались, как одуванчиковые пушинки. Блеснули сапоги до колен, а лёгкое пальто едва прикрывало блудный зад.

«Интересно, а она без трусиков?»

Таксист развернулся, уводя фары за собой. Темнота вновь поглотила распутников, но их сердца продолжали биться в похотливом ритме. Тишину нарушил щелчок зажигалки, на долю секунды осветивший гладкое лицо, и кажется, с родинкой на верхней губе. Огонёк сигареты красным маячком разгорался, медленно приближаясь к нам.

– По-моему, она точно рыжая, – шепнул Илюха, не удерживаясь от радости.

Подойдя практически вплотную, богиня пролила голос, как карамель на ванильное мороженое.

– Привет, мальчики, я Элла. Какое романтическое место для свидания, – она хихикнула, как застенчивая девочка. – Это хорошо, потому что природа – моя страсть.

Я подумал, что она вовсе не проститутка, а простая девушка из библиотеки. Мне нравился её голос и уверенность. Но насколько нужно быть смелой, чтобы позволять незнакомым людям в большом количестве давать читать свою сокровенную книгу. От этой мысли запал куда-то делся.

– Но только местечко вы не очень удачное выбрали, – она швырнула окурок, разбив уголёк в искры. – Бункер. Даже спустя семьдесят пять лет не перестаёт рычать, наводя страх своим предназначением.

– Может, ты экскурсию проведёшь? – заигрывая, сказал Илюха, блеснув стёклами очков.

Она пошла в сторону бетонной коробки, говоря:

– Пока я воспользуюсь уборной, вы решайте, на что потратите время – на любовь или разговоры. А твой друг не поможет мне?

Чуть не лопнув от возбуждения, я шёл, ощущая космическое давление в голове. Сердце, казалось, на волоске и вот-вот оторвётся. Она передала сумочку и, отойдя метров на пять, оголила белые ноги, задрав пальто. Моё либидо нервно задрожало, наполнившись слезами, и могу поспорить, пролило бы до последней капли всё содержимое, если та присевшая девица хотя бы прикоснулась.

Секунды хватило, чтобы изменить направление сексуальной энергии. Я только лишь услышал шуршащий звук, словно мешок протаскивали по листе. Я повернулся, но Эллы уже не было.

– Эй, – я рванул к месту, где только что сидела путана. Посветить было нечем, но и так было понятно, что в земле дыра метр на метр.

– Илюха!!!

Тишина.

– Илюха!!!

Ослепительный свет прожекторов вспыхнул мощным потоком, как взрывная волна. Каждый угол бетонного бункера освещали толстые столбы ламп, пронзая каждый листик насквозь, словно рентген. Я почувствовал, как две руки потащили за собой, в темноту. Хотелось сопротивляться, но желание убежать от бункера было сильнее. Треск палок под берцами сопровождал наши движения. Мы удалились достаточно, чтобы быть невидимыми, упав на сырую землю, затихли.

«Илюха, проститутка, бункер...»

– Кайзер, Макс, это вы?

– А кто ещё? – тяжело дышали товарищи. – Ты какого хрена там лазил, а? Звал кого-то?

– Могу спросить о том же. Вы видели, что это было? НЛЮ? Где Илюха?

– Не было никого, мы тебя вообще-то искали, хотели кальяничком подышать... а что это за сумочка у тебя?

История уместилась в две минуты рассказа.

– Ну ты и гад, мог позвать для приличия. Друг, называется.

– Мужики, ну простите, горячка в плен взяла, мозги отшибло, – оправдывался я.

– Скотина.

– Засранец.

Если оценивать объективно, то это сон с элементами эротичной фантастики, но я точно не спал.

Мы залезли в лакированную красную сумочку, не для наживы, просто потому, что нужно было что-то делать. Презервативы россыпью, блеск для губ, флакончик духов, которые Кайзер выхватил и начал словно глотать их, закатывая глаза.

– Класс, – говорил он, – если девушка так пахнет, значит, не может быть страшной. О, как божественно...

– Хорош, мы сейчас и тебя потеряем.

– С таким настроением не страшно и потеряться. Вы как хотите, но духи останутся у меня.

– А ты, Макс, резинки возьмёшь? Девку в лесу можно найти на раз-два, – сказал я, стараясь не смеяться.

Начатая пачка тонких сигарет и зажигалка «Крикет», я такой пользовался лет пять назад, когда курил. Пальцы нащупали тоненькую книжечку, наверное паспорт, но это была зачётная книжка Краеведческого института. Пламя зажигалки отогнало тьму, осветив фотографию второкурсницы, Наташи Весёлой. У неё и впрямь была родинка, а губы, словно у кошки, улыбались уголками. Волосы спадали за пределы фотографии, обрамляя молодое лицо.

– Натаха, Натаха, куда ж ты подевалась? Сейчас бы кальяничок покурили, пообщались где-нибудь в кустах, – сказал Кайзер с чумными глазами, продолжая нюхать.

– Думаю, ваш разговор надолго бы не затянулся, максимум секунд на тридцать, – предположил Макс.

Я попросту не мог понять, что произошло. Куда пропал Илья? А проститутка провалилась сквозь землю? Абсурд! Но я видел собственными глазами, как её волосы мотнулись, словно грива у лошади, и она исчезла. Может, моё воображение рисует сцены, дабы развеселить нудный солдатский быт... А прожектора откуда взялись тогда? Может, показалось и я спутал их с какими-нибудь фарами?

– Мужики, давайте вернёмся в лагерь, найдём Илью. Не понимаю, как вы его не видели, – сказал я, встав в полный рост.

– Да потому, что никого не было, – сказал Кайзер и подался вперёд. – Но я поддерживаю, в лагерь нужно сходить, курить нечего, пробью на КПП.

Макс спорить не стал, принял мнение товарищей.

Пять минут вразвалку – и мы на месте. Я продолжил рассказ про намеченные шалости. Жека не скрывал удовольствия и требовал больше говорить об Элле. Макс почему-то отмалчивался, откинув голову на звёзды. Ещё издали показалось, что в лагере что-то поменялось, но, когда мы подошли в зону видимости, мы всё поняли.

– А где запасной пункт? Где палатки, машины? – пришёл в себя Максим.

На опушке, там, где был палаточный городок, стояла ровная трава, дышащая темнотой. Чистый лес гонял прохладный воздух, чем-то напоминая наше состояние. Я отдал Кайзеру дамские сигареты из сумки проститутки.

– Давай тогда и мне сигаретку, – сказал Максим.

В воздухе добавился запах табака.

– Никого там не было, мы тебе говорили.

– Но не говорили, что это в тотальном смысле, – ответил я.

Если это американское кино, то кто-нибудь бы сказал: «Это что, розыгрыш?» Но я понимал, что это, скорее всего, полная задница, теперь осталось найти, где у неё выход.

Парни словно пустили корни и переплелись с лесом, безмятежно выдыхая дым.

– Идеи есть?

– Полно, только я тебе не расскажу, – сказал Кайзер.

– Макс?

– Не знаю, пойдём к тому месту, где провалилась путана.

Темнота, ничего не раздражало глаз. Бункер тоже был поглощён мантией ночи. Я даже не помню, когда он погас. Мы шли осторожно, пропитывая шаги страхом.

«Хорошо хоть в этом бору нет диких животных», – подумал я, и мурашки лизнули мою спину. Ночные птицы перелетали с ветки на ветку, взмахивая крыльями. Кто-то долбил кору. Я ещё подумал, что, наверное, заснул на противогазе, его фильтр упёрся в череп и поэтому снятся кошмары.

– Кайзер, ты что-нибудь чувствуешь?

– Что я должен чувствовать?

– Не знаю, бункер-то немецкий, может, связь какая-то у вас есть? – хохотнул Макс.

Кайзер фыркнул. Кто знает, что испытывает человек, находясь ночью в лесу, потерявшись во времени и пространстве. Но Макс был прав.

– К бункеру ведут три входа, не считая центрального, ещё есть тоннель для маленького железнодорожного состава. Это показывали в документальном фильме, вот недавно.

– Так мы же вместе тогда кальян курили.

– Ну да, мне рассказали просто, кто там был на сеансе. Не важно. Бункер называется «медвежья берлога», и никто не знает почему.

Так и хотелось сказать: «Потому что там собирались зимой и сосали палец». Разговорившись, чувство опасности вроде отступило, или прикрывалось за щитом отвлечённости. Чёрный колодец дыхнул сыростью в ещё бритые с утра лица. Макс достал карманный фонарик и пустил луч света в жерло.

– Какой дурак захочет туда спускаться?! – сказал Кайзер, выглядывая с края одним глазом. – Я точно не полезу, даже ради классной девки.

– Тебя никто не просит.

Фонарик не досвечивал до дна. Зато было понятно, что глубина немаленькая. Кайзер небрежно швырнул сучковатую палку, которая обсыпала маленькую лавину земли. Где-то в пяти метрах ниже света деревяшка встретилась с преградой, вызвав от удара эхо, земля, словно пшено, сыпалась в большую ёмкость.

– У-у-у, – пустил сигнал Кайзер, как бабуин.

– Мужики, вы же понимаете, что если спуститься, то обратно мы не поднимемся.

Мысли забегали как хорьки по курятнику, я искал решение. Когда трудно думать, я всегда смотрю на звёзды, и небесная карта даёт ответ. Почти полная фаза луны напоминала свет холодильника среди ночи, но в этом свете была какая-то таинственность. Казалось, она оживляла всё, к чему прикасалась. Может, я спятил, сидя среди дыры в земле и разговаривая со звёздами? Но покажите мне дверь – я постучу.

– Вроде как все пути, ведущие к бункеру, затоплены, если верить документальному фильму, – сказал Кайзер.

Ни с чем нельзя было спутать этот звук, доносящийся из колодца. Если пнуть тяжёлым ботинком по кости, то непрерывное «с-с-с-с-с-с» вырвется из уст пострадавшего, именно это мы слышали, отлетев на пару метров в стороны, как испуганные тараканы.

– У меня такое ощущение, что сейчас вылезут громадные, липкие, вонючие щупальца и утащат нас в нижние миры, – сказал Кайзер, прижавшись к земле, как камбала ко дну.

Несколько слов ненормативной лексики прилетели в уши как самое благое послание.

– Меня кто-нибудь слышит? Помогите!

Мы притаились ещё больше. Жилы наполнились тревожной жидкостью.

– А вдруг это ловушка? – шёпотом спросил Макс.

– Эй, – не унималась ночная пташка.

– Дай фонарик, – шикнул Кайзер и по-пластунски полез к дыре.

Высунув один глаз ровно настолько, что только лишь краем хоть что-то увидеть, он щёлкнул кнопкой фонаря, и в ту же секунду она завизжала, как самая писклявая дура на земле. Мы подскочили с Максом, ожидая, что сейчас вылетит фурия из преисподней и сожрёт нас как цыплят. Фонарик выскочил из рук Кайзера, ударяясь и переворачиваясь.

– Ай, – снова закричала проститутка.

Кайзер подбежал к товарищам и сообщил:

– Блин, фонарик уронил, походу, прямо на голову.

– Ну лезь теперь за фонарём, рукожоп.

– Сам лезь, ёханный бабай.

– Эй, кто там? Помогите, – не унималась подземная пленница.

Теперь свет наполнил яму снизу.

– Ты живая? – спросил я, сидя на корточках. Ветер тепло поглаживал лицо.

Жёлтый свет казался как око дракона, которого потревожили в подземелье.

– Ах, – она отвела луч, – я в порядке, только, кажется, ногу повредила. Достаньте меня отсюда.

– Не могу, у нас нет верёвок или хотя бы тряпок.

– Тогда киньте сигареты. Мне так паршиво, – хныкнула она.

Зажигалку мы вложили в пачку и услышали, как она приземлилась к хозяйке. Запах свежего дыма вырвался на свободу, рассеиваясь на глазах.

– Пацаны, я полез к ней.

– И чем ты поможешь? Обнимешь и взлетишь, как железный человек? Брось, это дурацкая идея, – сказал Кайзер, картавя.

– Это лучше, чем ничего не делать, или ты хочешь подождать, когда выйдет солнышко и настроение изменится?

– Он прав, – сказал Макс, – сидеть без толку.

Облокотившись на влажный бетон, она с жадностью поглощала курительную палочку, как будто сигарета могла успокоить. *«В такую задницу меня ещё не заносило»*, – думала путана. Теснота в кабине дальнобойщика куда свободнее, чем подземное нутро, готовое раздавить тоннами страха. *«Хотя бы среди этих парней нашёлся настоящий мужчина, пусть не рыцарь, но просто мужик, и даю слово, я перестану заниматься этим дерьмом. Слово*

проститутки...» – промелькнуло у неё в голове, и она зарыдала. Окурок стрельнул искрами о землю.

– Спасать меня кто-нибудь будет? – спросила она, пытаясь скрыть порыв слёз.

Чувство, что я делаю всё правильно, наполнило сердце.

Я должен её вытащить.

– Отойди в сторону, я спускаюсь.

Не дожидаясь ответа, я полез. Земля посыпалась комками вниз. Подошва и ладони утопали в мягком грунте, знаменуя о том, что рядом река. Земля сыпалась за шиворот кителя. Когда я ступил на дно неведомого сооружения, девушка обняла как самого родного человека.

– Спасибо тебе.

– Я ещё ничего не сделал.

«Ты сделал для меня больше, чем кто-либо», – сказала молчаливая сторона проститутки.

И её сердце билось уже не от страха, а от волнения.

– Роман, ты в порядке? – кричал сверху Макс, а Кайзер продолжал осторожно выглядывать. – Я сейчас спущусь.

Земля зашуршала, и посыпались новые лавины, перемешанные с песком. Мы стояли в стороне, казалось в самом тёмном месте, даже не ощущая себя в пространстве. Она не отпустила меня, шмыгая носом в плечо. Её духи сладкой волной вновь обливали моё воспалённое мужское начало. Я не видел Эллу, но уже как будто бы любил.

Макс спрыгнул, гулко приземлившись двумя ногами.

– Включите фонарик, ничего не видно.

Яркий свет столбом прошиб толщу грунта до самого дна бункера. Макс выглядел как жертва инопланетного корабля, которого вот-вот схватят пришельцы для опытов. Топот глухих шагов на поверхности и крик Кайзера последовали за этим.

– Жека-а-а, – орал Макс. – Ка-а-ай-й-йзер.

Но обратной связи не было. Посыпалась ещё одна порция земли с песком. Единственный выход задвинули чем-то тяжёлым, и свет погас.

Я слышал удары сердца, только не мог разобрать, чьи именно. Наверное, так себя чувствовала Ума Турман, когда её живьём похоронили. Всё моё естество пыталось сбежать, но разум остался недвижим и слишком тяжёл для такой задачи. Она включила фонарик, шмыгая и вытирая нос рукавом.

– Дай сюда, – вырвал я фонарь, разозлившись от безысходности.

– Что делать-то будем? – спросил Макс.

Подземное пространство напоминало секретный тоннель с арочным потолком, высотой метра три, но в ширину менее щедро, поэтому приходилось идти друг за другом.

– Будем искать выход.

Освещения никакого не было. Тогда для чего был этот тоннель?

– Те, кто похитил Кайзера, наверняка должны прятаться где-то здесь.

Но никого не было слышно.

Кайзер. Куда его забрали? Где теперь искать? Эти вопросы топили неизвестностью, забирая последнюю уверенность.

– Здесь, скорее всего, никого нет, – сказала проститутка, – этот а-ля бункер для других целей. Нам нужно двигаться на запад, кажется, я знаю, как выбраться.

Она оставалась в тени, силуэт растрёпанных волос и расстёгнутое пальто передвигалось чёрной анимацией. Слабый круг света позволял видеть лишь несколько метров пути. Тоннель казался пустой кишкой с тремя жужжащими мошками. *«Он же должен заканчиваться, всё заканчивается, – думал я, а потом ещё одна мысль рубанула тесаком: – Может быть, наша жизнь тоже заканчивается здесь...»* Подводить итоги не хотелось, не рано ли?! Я вот, живой, это происходит сейчас. А через минуту? И тогда буду живой. А через час? Наверное, я буду

жив. А завтра? Не уверен! Река моей жизни хлестала воспоминаниями, сжимая сердце от радости, которую я испытал в простых вещах. И как такое может кончиться без моего на то согласия? Я не хочу прощаться. Нет! Живительный голос порочной девушки разрубил меланхоличные плети:

– Ребята, меня зовут Наташа, надеюсь, нам удастся выбраться.

Душа немного успокоилась, ведь я был не один.

– Я Рома.

– Я Макс, – послышался голос позади.

– Приятно познакомиться.

Камешки отскакивали от берцев и летели дальше, ударяясь о бетон. Ненужные частицы, приходящие в движение от воли вселенских сил. Воздух был тяжёл, с примесью машинного масла или топлива.

– Куда мы направляемся? – спросил Максим, оставаясь невидимым голосом.

– В сторону Гнёздово. Там расположено языческое захоронение, думаю, для этого и был построен бункер, – сказала она.

– То есть мы идём на кладбище?

– Да.

– Покойнички идут в могилу, – вымученно усмехнулся Максим.

– Как связан бункер и курганы? – спросил я, улавливая запах духов.

Неизвестно, сколько мы прошли и как долго ещё идти, измерения потеряли значение, были только мы, фонарик и кусок освещённого тоннеля.

– Это бункер Гитлера, что уже подспудно намекает на его увлечения. Трудно представить, но он верил в своё предназначение, я бы даже сказала, одержимый, словно демон, он сжигал всё вокруг силой разрушения и жаждой завладеть миром. Если оценивать, что сотворил этот человек в периоды правления, безусловно, напором злых намерений, то невольно приходишь к мысли, что без потусторонних сил не обошлось.

– Звучит как страшилка у костра, – сказал Макс.

– Ведь не секрет, что Гитлер искал артефакты, – продолжала она, увлекая рассказом. – Он верил в неземные силы этих вещей, именно поэтому тратил кучу времени на их изучение.

– Я знаю только про копьё судьбы, которым проткнули Иисуса, оно приносит удачу вроде, – сказал я.

– И подчиняет умы человечества, наделяя властью его обладателя, – закончила мысль Наташа. – Был ещё один предмет, который хотел заполучить диктатор, это священный Грааль. Это чаша, из которой Иисус вкушал на тайной вечере, и в неё же Иосиф Аримафейский собрал кровь из ран Спасителя, распятого на кресте.

– Не похоже, чтобы фюрер был верующим, – сказал Максим. – Зачем ему христианские реликвии?

– Гитлер считал, что Грааль – это не чаша, как мы знаем, а древняя арийская реликвия, которой десять тысяч лет. Версия о вечной жизни его тоже привлекала в христианском смысле. Оставалось только её найти.

«Такое ощущение, что мы идём по глотке чудища, которое вот-вот сомкнёт зубы», – думал я.

Фонарик мерк. Мы словно спростонья продвигались под кожей земли. Ноги гудели. Подсознательный счётчик указывал примерно на пять километров пройденного пути. Почти половина, если мы идём в правильном направлении и расстояние верно рассчитано. «Где же сейчас Кайзер?» – защемило в сердце, словно ввели болезненную инъекцию.

– Когда же он успевал и воевать, и искать всякие штуки, да ещё строить бункеры, тут посмотришь, завтрак, обед, немного поработали, ужин и отбой не за горами, – сказал Макс.

– Это ещё раз доказывает, что Гитлер был связан с мощными силами, – сказала Наташа и подумала, что смогла расслабиться среди парней за долгое время.

Почему никому не приходило в голову создать армию и собрать весь мусор, например, или позаботиться о бедных людях, проявить миролюбие? Армия Мира. Звучит. Тогда и Грааль вроде как вписывается. Наполнить души людей неиссякаемой чашей добра. И тут меня осенило.

– Грааль-чаша, которую Гитлер искал, – это невиданный сосуд, наполненный благодатью. Он искал собственную душу в обломках древности, одержимый властью. Частицу истинной любви, чтобы вытеснить сжигающую злобу. Эти походы не что иное, как поиск света, будучи поглощённым тьмой, – сказал я, ошеломлённый потоком мысли.

– Но и не забывал строить подземные ходы для мёртвых духов.

– Я не понял, для нас, что ли? Но мы ещё живые, – сказал Макс, не скрывая волнения. – Скажите мне, какого ебукентия мы идём к мертвецам? Вам не кажется, что-то здесь не так? Ты вроде проститутка, а так много знаешь.

Меня обожгло волной негатива. Макс как будто стал чужим человеком.

– Что ты говоришь? – Я направил на него тусклый фонарик. – Извинись.

Максим выражал злобу, но я знал, что это страх. Он был похож на сморщенное существо, которое пряталось в пещерах и разговаривало само с собой, поблёскивая мокрыми глазами.

– Твой друг прав. Нужно называть вещи своими именами. Я проститутка, а один из клиентов, которого я ублажала на коленях, любил рассказывать исторические факты. Он писал диссертацию о бункере, и так совпало, что он любил поболтать. Если хочешь, можешь сказать, что я высасывала из него информацию.

Меня передёрнуло. «Какой конфуз», – хотело сказать моё внутреннее «я».

– Хочешь – верь, хочешь – не верь, но Гитлер построил этот тоннель напрямик к кладбищу неслучайно. Он хотел привлечь на свою сторону духов захороненных воинов, воскресить из могил. Для этого он вывез икону «Одигитрию» из Смоленска, которая оберегала город с двенадцатого века. Подземный путь проложен для того, чтобы вывести на поверхность те самые души, и мы здесь, на дороге жизни для умерших.

Мурашки хлестнули ледяными алмазами, осыпая спину мелкими частицами. Мы идём в царство мёртвых.

– Так вот, что можно добавить, если бы я не свалилась с голым задом под землю, ты мог меня трахнуть за две тысячи рублей.

Продолжая светить в сторону изумлённого Макса, я глядел в темноту, испытывая отвращение, боль и обиду за другого человека. «На всё есть свои причины, – думал я, улавливая отдалённое мерцание, будто снизу вверх, позади нас. – *Это что, преисподняя?*» – заговорил пугливый гном внутри меня.

– Наташ, – утешающе сказал я.

– ЧТО? НЕ надо делать вид, что понимаешь меня. Ещё пару часов назад ты и твои дружки хотели отпарить меня, как тряпичную куклу.

Наверное, совесть пнула изо всех сил, а Наташа рыдала, закрываясь руками. Моё нутро превратилось в базальтовую трубу, через которую выдуло всё тепло, а холод прилипал к её стенам. Она шла вперёд, даже не смотря на дорогу.

– Наташ, стой, куда ты?

Её шаг только ускорился, превращаясь в лёгкий бег.

– Да постой ты, дура, – я направил дохлый фонарь в спину.

Она скользнула по бетонным ступеням вниз, откуда доходил янтарный свет. Мы оказались ещё глубже, словно в древнем подземелье с сотнями факелов по обе стороны. Расстояние между нами растягивалось. Изо всех усилий я пытался нагнать Наташу, но пространство как будто расширялось, и всё заливалось каминным светом.

– Макс.

– Я бегу, не тормози.

Но в эту же секунду я выставил вперёд ступню, проехав полтора метра, поднимая дым из пыли. Прорезая толщу земли, как растаявшее масло, пассажирский состав нёсся стрелой, мелькая окнами вагонов. От свистящих потоков ветра факелы тухли, возвращая темноту на своё место, а я пытался вернуть рассудок, подбирая оправдание. Сладковатый дым вновь заполнил пространство, с бóльшей силой затуманивая. Тут послышался знакомый голос с картавыми нотками.

– Ребята!

Голос Кайзера вывел меня на верх шизофренического уровня.

«Я сошёл с ума?»

Максим стоял рядом с ним, выдыхая молочные порции ароматного пара. Чаша кальяна разгоралась, потрескивая угольком.

– Ты как здесь оказался? – спросил я, не находя ещё вопросов.

Лица товарищей были хоть и расслабленные от ягодного табака, но выражали недоумение.

– Ты шутишь, я тут стоял всё это время, – серьёзно сказал Кайзер.

Я осмотрелся по сторонам и понял, что мы в низине, около железной дороги, а Жека и Макс делают вид, словно ничего не случилось. Они пытели мой кальян.

– Тебя что торкнуло, Ромарио? – блестели оранжевым светом стёкла очков Макса.

Всё вернулось на место. Хвост уносящегося поезда исчез за деревьями, звёзды, словно их нарисовали яркой фосфорной краской, были на своём месте. Палаточный городок давал тусклое зарево от жёлтых лампочек. Шум бензиновых электростанций был таким же обычным, как стрекотание сверчков. Лица парней были расслаблены добрым дымом. А я пытался понять, что произошло и реально ли это. Может, трубка кальяна из тормозной жидкости какой-нибудь немецкой машины?! Или я просто спятил?

– Да не, пацаны, немножко повело, – я усмехнулся. – Такого табака я ещё не пробовал. Гарный, як кажут у мэнэ на батькившине.

Теперь смеялись и друзья, от души надышавшись никотина. Вернулись в лагерь обновлённые, как после бани. Разум летал вальжно, словно птичка колибри, выскакивая за пределы физического тела. Куда он ещё мог залететь, я не знал. Я обернулся к высоким стволам сосен, и они рисовали реальность в бору, помня множество событий. Я прикоснулся к шуршащей коре, ощутив на мгновение переплетения корней и бесконечную сеть из всех деревьев, соединяющихся в одно целое. Душа была лёгкой и свободной от всех дел, как бывают свободны маленькие дети. Луна текла по небесному маршруту и, говорю точно, светила только на меня. Привкус табака оставался на губах, руки пахли корой... и её духами.

Беспокойная ночь

Один мой знакомый, увлекающийся поиском, или аппаратным поиском, как они сами выражаются, рассказал историю. С ним часто что-то случается, то ли потому, что он притягивает их к себе, то ли потому, что ему сорок лет и за это время накопилось немало происшествий. Вообще, он позитивный человек, редко грустит. Упитанный такой, с большим круглым лицом, часто красным, особенно после выходных. Когда настроение у него хорошее, да и рабочее время позволяет почесать языком, он обязательно подходит и рассказывает что-нибудь интересное.

Помню историю о психиатре, который выстраивал людей, потом менял их положение по известному только ему принципу и невероятным способом выяснял проблему клиента. Часто участники таких мероприятий не верили в происходящее, принимая доктора за какого-то экстрасенса. Не верили ему, даже сильнее, чем политикам из партии «Единая Россия». Тем не менее психотерапевт помогал им, получая за сеанс заслуженные пять тысяч. И здорово этому радовался. Его волны радости передавались дальше и дальше по невидимой цепочке. А клиенты, по его мнению, были теми самыми проводниками. Круговорот счастья в природе.

Ещё история о путешествии в Питере с ночными поисками алкоголя. Жуткая история о привидении в старом доме, которое видели сразу мама и дочь. Другая страшилка о каком-то яре, то ли купечьем, то ли скотном. А может, ни то, ни другое...

Но однажды он в той же манере посудачить нашёл внимание в моей компании. Когда я видел его раскрасневшегося и улыбающегося, понял: сейчас услышу что-то новенькое. Последние пару раз мы обсуждали поиск с металлоискателем и то, что вообще можно найти с его помощью. Дима хорошо разбирался в приборах для таких походов. А ещё он любил отыскивать монеты и опять же много знал о старых деньгах. Мне тоже стало интересно. Монеты можно везде найти. Наверное, каждый современный сталкер мечтал найти что-то особенное, такое, что сделало бы его богачом. Везунчиком или популярной персоной в интернете. Сошло бы на крайний случай.

Конечно, попадается много мусора в процессе поиска. Жестянки, банки, крышечки от бутылок, и в таких местах, что дивишься, как они вообще могли туда попасть. Кстати, прибор одинаково подаёт сигнал на монеты и крышки. Да и чаще всего они на одной глубине, примерно на штык лопаты. Это я не знал, пока не стал вести беседы с Димой, не стыдись тратить рабочее время.

Бывало, попадались нательные крестики то в поле, то в лесу. Дима рассказывал, как нашёл огромный крест священника прямо во пне. Судя по всему, то был медный крест, потому что покрылся зелёным налётом.

Честно, я удивился, причём искренне. Я смотрел на его занятия как на творчество. Каждый раз он искал в новых местах. Его азарт был музой творения. Духом, ведущим к открытиям, путешествию, а иногда к приключениям. Та история была именно такой – она была всем и сразу.

Находя вещь, в первую очередь мы определяем ценность, во вторую – пытаемся понять, кому принадлежит и как попала в землю.

И вот летом, в день жаркий, но приятный, пушистые сосны заслоняли солнце вековыми стволами и ветками, погашая зной в лесу. Тысячи или больше того травяных ароматов ласкали обоняние, и казалось, само нахождение здесь уже целительно. Сытая от солнца зелёная трава стелилась ковром из миллионов стебельков. Клевер, подорожник, папоротник лесенкой тянулся кверху. Полевая клубника, кругом строй из берёз с блестящими листьями. И много такого, что видишь порой впервые, что не имеет названия для лесного гостя. Но каждого путешественника принимает с тихой любовью, даря безропотный покой. Лес – другой мир.

Дима поэтому любил долгие прогулки, даже в дождь и грязь. По-моему, тогда у него был старый прибор. Но достаточно хороший, чтобы просканировать метр грунта насквозь. Звук лёгкого ветра шелестом передавался листьями. Стук дятла где-то вдалеке и свежий, напоённый энергией воздух. Наш искатель ходил, наслаждаясь природой. Часто наступая на сухие ветки, хруст которых раздавался на добрые пару сотен метров. Прибор монотонно пикал, не издавая особого энтузиазма, словно сегодня его заставили выйти в поход, а он не захотел ничего делать. Причём с самого начала. Не в заросшем овраге, не в корнях упавших деревьев, даже не возле кострищ, где отдыхали люди. Нигде, ничего. Ключи от банок пива и пепси-колы не в счёт. К тому моменту Дима забрёл достаточно далеко вглубь. Не замечая ни времени, ни острых укусов злых комаров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.